
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Дмитрій Цензоръ

КРЫЛЬЯ ИКАРА

СТИХИ

(1905—1906)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

НА КОРАБЛѢ

I.

Струится зной по дремлющимъ волнамъ
И медленно проходитъ безъ возврата
Глубокій день. Горитъ пожаръ заката,
И алый свѣтъ скользитъ по облакамъ.

Равнина водъ молчаніемъ объята.
И облака спѣшатъ, какъ въ дальній храмъ,
Къ пурпурной мглѣ, въ пустыню небоската,
И, замеревъ, стоятъ недвижно тамъ.

Корабль усталъ. Качаясь, тихо дремлетъ.
Мертвѣетъ зыбь, и виснутъ паруса.
И я одинъ въ слѣпыя небеса

Гляжу съ тоской... Мой духъ затишью внемлетъ
И жаждетъ бурь. Закатный меркнетъ свѣтъ.
Ужъ ночь близка. Ужъ поздно. Бури нѣтъ...

II.

Медлительно сходились тучъ ряды,
Бросая въ тьму гудящія зарницы,
И прыгали, какъ яростныя львицы,
Соленыхъ волнъ вспѣненныя гряды.

Корабль стоналъ въ предчувстіи бѣды...
Но ликовалъ я, смѣлый, блѣднолицый.
Я пѣлъ. И крикъ морской, полночной птицы
Мнѣ отвѣчалъ изъ неба и воды.

А на зарѣ настала тишина.
Лѣниво насъ баюкала волна.
Но день пылалъ. И бурей утоленный,

Благословлялъ я солнечный восходъ
И синеву золотопѣнныхъ водъ,
И край мечты, безвѣстный, отдаленный.

ПѢВЦЫ НЕВОЛИ

Быть можетъ, мы послѣдніе пѣвцы
Унылаго томленья, —
Судьба плететъ зеленые вѣнцы
Любви и возрожденья.

Какъ долгіе затворники темницъ,
Вы, пьяные отъ свѣта,
Услышите напѣвы новыхъ птицъ...
А наша скорбь допѣта.

Въ лучахъ зари померкнемъ и замремъ
Оборванною пѣсней...
И будетъ звукъ, пронизанный лучомъ,
Волшебнѣй и чудеснѣй.

Но вы, молясь весенней красотѣ —
Вы, дѣти жизни чистой —
Поймите насъ, рожденныхъ въ темнотѣ,
Избравшихъ путь кремнистый!

Намъ грезились и солнце, и цвѣты..
И если мы стонали, —
Спросите ночь, губившую мечты,
Ночь рабства и печали.

ЗАБЫТЫЙ КОЛОКОЛЪ

Спитъ онъ средь мертвой равнины,
Въ свѣтѣ туманной луны,
Тамъ, гдѣ сѣдѣютъ руины,
Нѣкогда славной страны.

Спитъ онъ, глашатай свободный,
Между гніющихъ столбовъ,
Колоколъ воли народной, —
Вѣча минувшихъ годовъ.

Колоколъ въ лунномъ покоѣ,
Въ темныхъ могилахъ временъ
Слышитъ преданье родное —
Пламенной вольности сонъ...

Вѣтеръ встревоженный гонитъ
Смерти холодную пыль...
Въ жуткомъ безмолвіи тонетъ
Звонкая, старая быль.

Колоколъ вздрогнулъ... Раскатистымъ зовомъ
Звонъ пробужденный о жизни поетъ,
Крикомъ тревоги, набатомъ суровымъ
Гонитъ на площадь разгульный народъ.
Будитъ сердца на правдивое дѣло,
Къ битвѣ скликаетъ могучихъ бойцовъ...
Колоколъ ропщетъ протяжно и смѣло
Въ царствѣ молчанья, средь пыльныхъ гробовъ.

Блѣднымъ сіяньемъ залитый,
Тихъ успокоенный прахъ.
Колоколъ спитъ, позабытый,
На полусгнившихъ столбахъ.

Спитъ онъ и грезитъ, чтобъ снова
Буйнаго вѣтра порывъ
Вырвалъ изъ сердца нѣмого
Скорбно-мятежный призывъ!..

НОВЫЙ ХРИСТОСЪ

I.

По колеямъ ночныхъ дорогъ
Онъ шелъ къ измученной странѣ —
Еще невѣдомый пророкъ —
Чтобъ возвѣстить о новомъ днѣ.

И насъ позвалъ, больныхъ дѣтей,
Прильнувшихъ къ свѣтлому ключу:
„Ко мнѣ, о дѣти скорбныхъ дней!
„Я поведу. Я научу“.

Распятый, съ темнаго креста
Глядитъ онъ — огненный Христосъ...
Но вѣра жаждущихъ чиста,
Какъ серебро весеннихъ росъ...

Веди, учитель! Предаемъ
Тебѣ сердца — темницы мукъ.
Для терній радостно идемъ
Подъ сѣнь твоихъ безгрѣшныхъ рукъ.

II.

Не осуди насъ. Дорогами пыльными
Долго мы шли и ослѣпли.
Дай намъ омыться слезами обильными,
Души намъ скорбью затепли!

Насъ обманули пустыни вечернія...
Мы позабыли въ тревогѣ
Гвозди Голгофы и жгучія терніи,
Муки на крестной дорогѣ.

Чудо сверши надъ сердцами незрячими!
Въ жуткую ночь испытаній
Дай прикоснуться устами горячими
Къ чашѣ великихъ страданій!

У МОРЯ

Полночь. У моря стою на скалѣ.
Вѣтеръ прохладный и влажно-соленый
Трепетно обнялъ меня, какъ влюбленный,
Пряди волосъ разметалъ на челѣ.

Шумно разбилась о камни волна —
Брызнула пѣной въ лицо мнѣ обильно...
О, какъ вздымается грудь моя сильно,
Въ этомъ раздольи предбурнаго сна!

Я одинокъ и свободенъ. Стою
Полный желаній и думы широкой.
Море рокочетъ мнѣ пѣсню свою...

Въ гавани темной, затихшей, далекой
Красное пламя на мачтѣ высокой
Въ черную полночь вонзаетъ струю.

ТЬМА

Къ высотѣ страны нагорной, чтобы встрѣтить блѣдный день,
Я иду пустыней черной, словно призрачная тѣнь.
Робко, робко направляю осторожно-чуткій шагъ...
Стережетъ меня — я знаю — въ темнотѣ незримый врагъ.

Вотъ онъ... близко... Безпощадно я къ груди его прижалъ
И направилъ въ сердце жадно окровавленный кинжалъ...
И безуміемъ объята вмигъ душа моя была:
Я узналъ въ немъ обликъ брата, очеркъ милаго чела.

Я бѣгу въ пустынѣ злобной, чернымъ ужасомъ объятъ.
Ночь виситъ, какъ сводъ надгробный. Тѣни мрачныя стоятъ.
Я гляжу имъ робко въ лица и не знаю — кто мнѣ врагъ...
О, блесни, блесни, зарница, и разбей зловѣщій мракъ!

У ДВЕРЕЙ

Слышу вздохъ печальный
Ночи утомленной.
Поблѣднѣли тѣни
У моихъ дверей.
Слышу ропотъ дальній
Скорби озлобленной.
И гляжу въ смятеньи
Въ даль грядущихъ дней.

Міръ тревожно дремлетъ...
Часъ пробьетъ суровый, —
Грозно всколыхнется
Духъ его больной.
Сердце жутко внемлетъ
Грезамъ жизни новой...
Сердце ждетъ и бьется
Жаждой и тоской.

ЗА МЕЧТОЙ

Какъ рабы, полюбившіе тьму
И тюремные, мрачные своды,—
Вы, слѣпые, враждебны тому,
Кто зоветъ васъ на праздникъ свободы.
И живете въ туманѣ болотъ,
Безъ тоски по безоблачной дали;
И безъ вольнаго солнца увяли,
Какъ трава застоявшихся водъ.

Есть — святая печаль красоты
Умирающихъ въ битвѣ за счастье,
Опьяненныхъ безуміемъ страсти,
Обольщенныхъ улыбкой мечты.
И во мглѣ, среди мудрости лживой,
И въ томленьи тревоги пустой,—
Выше нѣтъ — этой смерти красивой,
Нѣтъ свѣтлѣй — этой скорби святой.

Мы—узрѣвшіе солнце вдали—
Обагримъ нашей кровью дорогу,
Но придемъ къ золотому чертогу,
Что блеститъ на вершинахъ земли.
Пусть казнятъ насъ въ болотѣ покоя,
Пусть плетутъ намъ терновый вѣнецъ,—
Въ нашихъ душахъ дыханіе зноя,
Въ насъ восторгъ вдохновленныхъ сердецъ!

Освященные пыткой земной,
Мы взовьемся надъ мертвымъ туманомъ,
Къ отдаленнымъ загадочнымъ странамъ,
Словно птицы за новой весной.
Увядайте-же въ тинѣ своей,
Не познавшіе жажды свободы!—
Мы клянемъ ваши мутныя воды
И туманъ вашихъ призрачныхъ дней!

ВЕСЕННІЙ ГРОМЪ

Лилово-красный, яркій пламень
Залилъ пожаромъ небосводъ,
И тяжкій стукъ, дробящій камень,
Ударилъ въ царство сонныхъ водъ.

Рожденный въ пламени раската,
Несетъ онъ мщенье, какъ стрѣла.
И блѣднымъ ужасомъ объята
Слѣпая ночь тоски и зла...

Бушуй, гроза! мы жаждемъ грома
Въ томленьи мертвой тишины!
Ты—казнь Гоморры и Содома,
Ты—вѣстникъ солнца и весны.

Погибнутъ чары сна больного
Подъ гулкій хохотъ бурныхъ тучъ,
И заалѣетъ солнце снова
Для тѣхъ, кто молодъ и могучъ.

СОЖЖЕННЫЕ КОРАБЛИ.

Средь мутныхъ волнъ, хранители завѣта,
Мы навсегда сжигаемъ корабли.
Возврата нѣтъ. Въ туманности разсвѣта
Предъ нами ширь невѣдомой земли.

Томился день и гасъ во мглѣ кровавой,
Царила тьма на лонѣ мертвыхъ водъ...
И въ край борьбы за счастьемъ и за славой
Свершали мы стремительный полетъ.

Но конченъ путь смятенья и тревоги.
Блѣднѣетъ ночь. Пылайте, корабли!..
Расторгнуты къ минувшему дороги
На рубежѣ невѣдомой земли!

Съ долинъ бѣгутъ лиловые туманы,
Въ лучахъ зари свѣтлѣетъ небосводъ,
И знойный день, одѣвши плащъ багряный,
На битву звонкую зоветъ.

РИМЪ И ВАРВАРЫ

Возстали варвары на изступленный Римъ.
Безумный цезарь пьянъ средь ужаса и стона,
Рабы-сенаторы трепещутъ передъ нимъ,
И кровь народная дошла къ ступенямъ трона.

Продажный духъ льстецовъ безсильно-недвижимъ,
Позоръ и ложь царятъ подъ сводомъ Пантеона.
О, родина боговъ!—твое величье—дымъ...
И бойся грознаго дыханія циклона.

Спѣши! Изъ пьяныхъ урнъ кровавый сокъ допей!
Ужъ Варвары идутъ отъ солнечной равнины
Съ душою мощною, какъ вѣянье степей.

Свободный, новый храмъ воздвигнутъ исполины
И сокрушатъ они гніющія руины
Разврата, казней и цѣпей.

МУЦІЙ СЦЕВОЛА

Надменный врагъ!—Судьбы страшись.
Я на кострѣ сжигаю руку.
За мною сто. Они клялись
Безстрашно встать на смерть и муку.

Бѣги отъ насъ! Въ твой темный станъ
Ударитъ громъ неотвратимо.
Въ огнѣ костра и клубахъ дыма
Я въ томъ клянусь тебѣ, тиранъ!

Въ сверканьи дня и тьмѣ ночей,
На площадяхъ, въ домахъ, надъ нивой,
Вездѣ горятъ огни мечей,
Шумитъ народъ вольнолюбивый,

И чутко ждетъ, чтобъ раздались
Набаты мести и возстанья...
Я руку жгу, презрѣвъ страданья.
За мною сто. Они клялись.

РАЗРУШИТЕЛЬ

Въ безмолвье капищъ, въ темный храмъ
Вхожу я, дерзкій разрушитель.
Я смерть несу земнымъ богамъ
Въ ихъ заповѣдную обитель.
Во вѣки здѣсь, у колонадъ,
Нога безумца не ступала—
Но свой кощунствующій взглядъ
Бросаю я въ лицо Ваала.

На урнахъ теплятся у ногъ
Огни, зажженные рабами.
Не страшенъ мнѣ жестокій богъ,
Царящій, темные, надъ вами!
Я смерть несу въ рукѣ своей,
Чтобъ обнажить обманъ великій...
Обожествленныхъ фетишей
Смѣшны уродливые лики!..

Вы не дерзнули ихъ проклясть,
Отторгнуть духъ отъ рабской дани,—
Чтобъ развѣнчать слѣпую власть
Ненужныхъ, мертвыхъ изваяній...
Вы упадали въ страхѣ ницъ,
Вы изступленно рвали раны,
И васъ громадой колесницъ
Давили боги-истуканы!..

Рабы! Позорнымъ алтарямъ
Молились вы темно и лживо!
Но въ тайну капищъ, въ старый храмъ
Я заложилъ раскаты взрыва...
Въ стальной рукѣ я смерть ношу.
И факелъ бросивши къ подножью,
Погибну самъ. Но сокрушу
Камней-боговъ, царящихъ ложью!

НАШЕСТВІЕ

...Васъ, кто меня уничтожитъ,
Встрѣчаю привѣтственнымъ гимномъ!
В. Брюсовъ.

I.

Подходятъ суровы и грубы,
Съ мечтой разрушенья и бѣдъ,
И дышатъ ихъ жадныя губы
Несытою страстью побѣдъ.

Подобно сорвавшимся глыбамъ,
Разгульный походъ недержимъ,
И копья, торчащія дыбомъ,
Несутъ они странамъ чужимъ.

Сплетаются дикіе хоры
И вои гудящихъ роговъ.
Ихъ капища—темные боры,
Ихъ станы—безбрежье луговъ.

И къ солнцу простерты ихъ руки
Въ порывѣ безмолвныхъ молитвъ.
И снова готовятся луки
Для шумныхъ невѣданныхъ битвъ.

II.

Неизбѣжно-роковые
Надъ землей нависли дни.
Гаснутъ, гаснутъ вѣковые
Потускнѣвшіе огни.

Жутко спутались дороги
Въ аломъ пламени зари.
Умираютъ гдѣ-то боги,
Гдѣ-то падаютъ цари...

Жертвы ужаса и мщенья,
Жертвы гаснущихъ временъ!
Опьяненный день смятенья
Вѣетъ пурпуромъ знаменъ...

Скоро рушатся основы,
Справитъ варваръ шумный пиръ,
И на прахѣ встанетъ новый
Возрожденной жизни міръ!

III.

Онъ побѣдитъ. Въ его душѣ могучей
Кипѣнье нерасплесканныхъ глубинъ.
Онъ побѣдитъ, свободный Исполинъ
И принесетъ веселый громъ созвучій.

Пусть вопіетъ бунтующая мѣдь—
Набатный гулъ о праздникѣ паденья!
Не вамъ, не вамъ, питомцы вырожденья,
Грядущаго Вандала одолѣть!

Пусть плачетъ мѣдь о храмахъ оскверненныхъ,
Гдѣ тлѣнный дымъ курился Богу Зла;
О городахъ разрушенныхъ до тла,
О мертвецахъ, въ обломкахъ погребенныхъ!

Средь ветхихъ стѣнъ увяла красота,
И духъ погасъ... Гдѣ смѣлые пророки?
Кто въ урны душъ вольетъ живые соки
И воскреситъ замолкшія уста?

У юношей растлѣніе во взорахъ,
У блѣдныхъ женъ впадаетъ чахло грудь...
Такъ побѣждай и безпощаднымъ будь,
Народъ-Вандалъ, взлелѣянный въ просторахъ!

IV.

О, приходи отъ разсвѣтныхъ тумановъ
Съ пѣснями дикихъ и вольныхъ страстей! --
Темные стогны дряхлѣющихъ становъ
Ждутъ неизбѣжныхъ, мятежныхъ гостей.

О, побѣдитель, о, Варваръ великій!
Гордо пріемли покорности дань,
Шумно неси изступленные лики
Въ празднество павшихъ, за чуждую грань.

Тамъ, гдѣ мы вяли, гдѣ жалко понуры
Строили духу и сердцу межи —
Сильный, одѣтый въ звѣриныя шкуры,
Солнечныхъ женщинъ своихъ обнажи.

Вспыхни любовью священной дубравы,
Яркою кровью весеннихъ полей...
Въ старые кубки, гдѣ тлѣютъ отравы,
Соки живящихъ восторговъ налей...

Буйствуй, безумствуй, зажги средь поляны
Пламенныхъ оргій ночные костры! —
И заликуютъ блаженны и пьяны
Новыхъ временъ молодые пиры...

ГОРОДЪ

I.

Безумный старый гробовщикъ!
Копаешь ты свои могилы
И жизнь, и молодость, и силы,
Смѣясь, хоронишь каждый мигъ.

Среди твоихъ гніющихъ стѣнъ
Палачъ, предатель наготовѣ.
Ты весь пропитанъ ядомъ крови,
Ты западня и душный плѣнъ.

Ты весь незримо населенъ
Тѣнями тайнаго страданья.
Твои потухнувшія зданья
Таятъ рыданія временъ.

Людей лукаво ты зовешь
Въ свои порочныя трущобы
И, полонъ старой, чахлой злобы,
Изъ ихъ сердецъ невинность пьешь.

И дряхлый кашель мостовыхъ,
И хриплый вой голодной черни,
И дымъ, и смрадъ, и страхъ вечерній,
И блескъ потоковъ золотыхъ, —

Ты все въ одномъ кошмарѣ слилъ,
На брата злобно поднялъ брата
И преступленья и разврата
Мечту безумную родилъ.

II.

Въ глухую ночь твой духъ-вампиръ
Къ сердцамъ склоняется съ любовью,
И вотъ они, истекши кровью,
Въ тоскѣ клянутъ прекрасный міръ.

О, будь-же проклятъ, злой паукъ,
Соткавшій имъ, безвиннымъ, сѣти!
О, проклятъ будь за стоны эти —
Кошмарныхъ сновъ, ненужныхъ мукъ!

Ты выпилъ сокъ живыхъ сердецъ,
И опьянилъ ихъ чумнымъ ядомъ.
Во тьмѣ твоей крадутся рядомъ
Злодѣй, Безумецъ и Мертвецъ...

Они несутъ смертельный громъ
И мстящій хохотъ разрушенья...
Ты создалъ ихъ для возмущенья,
Чтобъ самому погибнуть въ немъ.

Придутъ изъ темныхъ деревень,
Съ полей голодныхъ, изъ дубравы,
Въ холодный склепъ, въ туманъ кровавый, —
И вспыхнетъ изступленный день.

И въ сумракъ душъ твой мертвый взглядъ
Зловѣщей повѣстью заглянетъ.
И праздникъ Молоха настанетъ
Среди насупленныхъ громадъ.

И, захмѣлѣвъ волной тоски,
Вскипитъ мятежныхъ полчищъ море...
И, какъ Содомъ, ты рухнешь вскорѣ
Отъ грозной, мстительной руки!..

ПРОЛЕТАРІЙ

Мышцы желѣзныя. Долгой борьбой
Словно огнемъ закаленная грудь.
Полный желаній, за смѣлой мечтой —
Вотъ онъ свершаетъ свой медленный путь, —
Вотъ онъ — могучій страдалецъ-герой.

Счастье смѣялось... А онъ проходилъ,
Міръ, какъ Атлантъ, вынося на плечахъ.
Міръ одряхлѣвшій!.. Пресыщенъ и хилъ,
Съ тьмой вырожденья въ усталыхъ очахъ,
Ты угасаешь безъ воли и силъ!

Ты потушилъ золотые огни,
Зрѣетъ въ тебѣ молчаливая ночь.
Ты, какъ паукъ, одряхлѣвшій въ тѣни...
И, проклиная, уходимъ мы прочь
Въ даль, гдѣ смѣются весенніе дни.

Новый и сильный на смѣну идетъ,
Руки его загрубѣли въ борьбѣ.
Новую пѣсню онъ людямъ споетъ,
Храмъ лучезарный воздвигнетъ себѣ,
Ветхія зданья со смѣхомъ сотретъ.

ПѢСНЯ ДѢТЕЙ.

Межъ каменныхъ зданій среди двора,
Въ солнечномъ свѣтѣ,
Пѣли голодныя, нищія дѣти.
Пѣсня подъ арфу звучала, какъ звонъ серебра.
Въ дѣтскихъ глазахъ неземные дрожали лучи.
Плакала арфа. Струны о хлѣбѣ молили.
Тамъ же рабочіе сѣрый булыжникъ дробили,
Кверху несли кирпичи.

Въ окнахъ поникли печальныя лица жильцовъ.
Мальчикъ и дѣвочка пѣли про цѣпи и волю.
Плакала арфа подъ звонкій раскатъ голосовъ.
Рабочіе сумрачно камни кололи,
Несли кирпичи по ступенямъ лѣсовъ...
И странно затихли... И слушали съ трепетомъ боли
Пѣсню про цѣпи и волю—старую пѣсню рабовъ.

Долго стояли, забывъ про кирку и носилки,
Зажженные свѣтлой тоской,
Старый рабочій—сѣдой и угрюмый
И одинъ молодой—загорѣлый и пылкій...
Пѣли дремучія, жгучія думы.
Арфа звенѣла подъ дѣтской рукой.

Будто впервые
Арфа рыдала...
Будто впервые стонали слова...
О, безотвѣтныя души, заблудшія души людскія!
Развѣ страдали вы мало?
Развѣ знакомыя эти слова
Страшнымъ и новымъ значеньемъ горятъ на невинныхъ устахъ?

Солнце палило. Глядѣла во дворъ синева.
Длилось нѣмое молчанье внизу и на шаткихъ лѣсахъ.

Были послѣдніе звуки допѣты.
Каждый ушелъ одинокъ и понуръ.
Изъ оконъ открытыхъ, изъ мглы амбразуръ
Къ дѣтскимъ ногамъ упадали въ бумажкахъ монеты.

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА.

Ахъ,—это Осени грезился Май!..
Празднество улицъ и флаги, и клики.
Кто насъ увлекъ въ этотъ солнечный край,
Далъ намъ букеты изъ красной гвоздики?

Дѣвушка съ нимбомъ волосъ золотыхъ,
Съ блѣднымъ лицомъ и очами газели...
Зналъ я твой голосъ. Теперь онъ затихъ.
Пѣсни твои навсегда отзвенѣли.

Мимо прошла золотая весна
И на окошкѣ моемъ позабыла
Эти цвѣты—что дарила она
Юнымъ и смѣлымъ, въ комъ жажда и сила.

Другъ твой, мечтатель, дитя и поэтъ,
Въ сердцѣ несетъ онъ молитвы и нѣжность.
Только однажды отъ молніи свѣтъ
Душу пронзилъ и зажегъ въ ней мятежность.

Кто окрылилъ и до солнца вознесъ?
Развѣ однажды безуміе снится?
Дѣвушка съ нимбомъ лучистыхъ волосъ,
Вся—какъ мечта, какъ любовь, какъ зарница...

Осень задула мгновенность луча.
Желтые вихри заплакали дико.
Въ темныхъ стѣнахъ, на груди у плеча,
Красная, красная сохнетъ гвоздика.

ПРИЗРАКЪ.

Когда мой духъ былъ нѣжно-свѣтелъ
Въ невинномъ снѣ безбурныхъ лѣтъ—
Я на пути моемъ замѣтилъ
Его костлявый силуэтъ.
Съ мольбою онъ рукой холодной
Коснулся сердца моего.
И я на хрипъ тоски голодной
Не могъ отвѣтить ничего.

И тѣнь его съ тѣхъ поръ безъ крова
За мной, упорная, слѣдитъ,
И острый взоръ горитъ сурово
Изъ тьмы ввалившихся орбитъ.
Онъ весь—укоръ, онъ весь—мученье
На обезумѣвшемъ лицѣ...
Угроза огненнаго мщенья
И мертвый ужасъ о концѣ.

Пришла весна, открыла ставни,
Зоветъ на солнечный посѣвъ.
Въ сверканьи дня я слышу давній
Наивно-ласковый напѣвъ.

Лазурь и смѣхъ. Въ льняныя косы,
Желтѣя, впутались лучи.
И на поляны, на откосы
Цвѣтныя брошены парчи.

Но все мнѣ чудится нѣмая
Страна тумановъ безъ границъ.
Тамъ ждетъ Весна, не поднимая
Своихъ заплаканныхъ рѣсницъ.
Безсильной совѣсти мученье—
Голодный призракъ тамъ встаетъ
И бродитъ мстительною тѣнью
И затьмеваетъ небосводъ.

ГОЛОДЪ

Изъ нивы безплодной и чахлой дубравы,
Изъ темной деревни,—
Поднимается голодъ костлявый
На городъ стольный и древній.

Идетъ онъ къ дворцамъ и палатамъ,
Съ безумной усмѣшкой скелета,
И съ воемъ проклятымъ
Ждетъ у входа отвѣта...

Бѣлое утро глядится къ счастливымъ.
Въ пьяныхъ чертогахъ не прерванъ разгулъ.
Тлѣютъ пороки подъ небомъ тоскливымъ.
Городъ, какъ рабъ утомленный, заснулъ...

Содрогнитесь, кто слышитъ!
Потушите безуміе пира!
Утро гибелью дышитъ,
Рѣетъ надъ вами сѣкира!

Содрогнитесь! у входа
Воетъ грозный, костлявый
Голодъ народа,
Истекшаго кровью!

ГОРОДЪ и ДЕРЕВНЯ

Встаютъ мятежомъ города,
И зрѣютъ въ нихъ зерна безумья...
Деревни безмолвны всегда,
Застыла въ нихъ тайна раздумья.

Изъ города гулко зоветъ
Набатный, бунтующій голосъ...
Деревня томится и ждетъ,
Какъ зрѣлый, налившійся колосъ.

О, городъ! — онъ свергнулъ боговъ,
Онъ въ красной коронѣ безвластья...
Деревня глядитъ изъ луговъ
Темнѣе, чѣмъ туча ненастья.

Безуміемъ городъ великъ,
Онъ празднуетъ пьяный и древній...
Но страшенъ измученный ликъ
Безмолвно встающей деревни.

О, пурпуръ полночныхъ высотъ! —
Ихъ заревомъ кровь оросила...
И медленной бурей растетъ,
Идетъ черноземная сила.

НАБАТЪ

Ночь. Утомленные спятъ.
Люди забыли о скорби вчерашней...
Всѣ утомленные спятъ...
Надъ старою башней
Ударилъ набатъ.
Звонъ покатился по мертвымъ домамъ,
Гулко порвалъ сновидѣнья покоя,
Воплемъ надорваннымъ воя:
Бамъ! бамъ! бамъ!

Проснитесь! проснитесь! по темной дорогѣ
Лукавыя силы ползутъ
И прячутъ кинжалы и въ жадной тревогѣ
Условнаго признака ждутъ...
Мы бились до ночи красиво и смѣло,
И много легло за стѣной.
Но врагъ замышляетъ позорное дѣло, —
Предательство мести ночной!..

Выростаетъ зловѣщій набатъ,
Ударяетъ по соннымъ сердцамъ...
У города черныя силы стоятъ!
Бамъ! бамъ! бамъ!

ИЗЪ РАЗБИТАГО СТАНА

Товарищъ, товарищъ! Ты спишь...
Окно твое заперто прочно.
Тревогу измѣны полночной
Таитъ лицемѣрная тишь...
Печальную повѣсть мою
Несу напоенную кровью:
Они побѣдили любовью,
Но пали въ жестокомъ бою.

Товарищъ, товарищъ! — Я тутъ...
Опомнись! — Враги недалеко...
Враги затаенно ползутъ,
Какъ черныя волны потока.
Я бросилъ разрушенный станъ,
Чтобъ крикнуть родимому краю:
— Проснись! За тебя умираю
Отъ скорьби и ранъ!

КАЗНЬ

Выходятъ...
      Въ чуткомъ страхѣ,
Предчувствуя конецъ,
Съ тревогою о плахѣ,
Съ рѣшимостью сердецъ.
Лежатъ сѣдыя стѣны,
Какъ трупы тяжкихъ тѣлъ.
Часы свершаютъ смѣны,
И теменъ ихъ предѣлъ.

И теменъ и безволенъ
Холодной ночи сонъ.
Отъ мертвыхъ колоколенъ
Поплылъ тоскливый стонъ.
О, знаетъ городъ старый,
Что гдѣ-то зрѣетъ месть!..
Но медленно удары
Онъ отсчитаетъ.. Шесть!..

И гулкій залпъ отпрянетъ
Отъ каменной стѣны.
И въ городѣ настанетъ
Унынье тишины.
И красными очами
Заглянетъ новый день
Во дворъ, гдѣ надъ тѣлами
Простерлась чья-то тѣнь...

ИХЪ РАЗСТРѢЛЯЛИ

Ихъ разстрѣляли...
Утро морозное было.
Солнце, не зная, безпечно всходило,
Тихо смѣялись прозрачныя дали...
Снѣгъ былъ такой серебристый и чистый!
Часъ былъ такой молодой и лучистый!
Ихъ разстрѣляли...

Измятой, безсильной толпою
Сомкнулись они на снѣгу.
Пылаютъ ихъ очи тоскою
И скорбной любовью къ врагу.

Зловѣще-безмолвны солдаты.
И слышатъ: ихъ молятъ, зовутъ...
Но въ душахъ не смолкли раскаты
Кошмарныхъ и близкихъ минутъ...

И слышатъ, и слышатъ: „О, братья!
Мы гибнемъ за волю и свѣтъ!“...
Но глухо сорвались проклятья,
И грянули залпы въ отвѣтъ...

А солнце не знало! Солнце всходило!
Тихо смѣялись лучистыя дали,
Утро такое безпечное было...
Ихъ разстрѣляли.

ПОСЛѢ БИТВЫ

Сраженное солнце у бездны заката
И брызжетъ горячею кровью изъ ранъ.
Я плачу у трупа любимаго брата,
И вѣетъ могилой вечерній туманъ.

Стою, знаменосецъ, извѣдавшій битву,
Безумный, забытый средь мертвыхъ бойцовъ.
А вѣтеръ тоскуетъ и плачетъ молитву
И рветъ обагренную ткань облаковъ.

И поднялъ я выше кровавое знамя,
И вьется мой хохотъ надъ грудами тѣлъ...
А вороны стонутъ и машутъ крылами
Надъ тѣми, кто вѣрилъ и жизни хотѣлъ.

Пусть близятся тѣни зловѣщей толпою!..
Я буду, безумный, смѣяться и звать:
— О, братья, вставайте къ послѣднему бою!
О, братья, сомкнитесь въ послѣднюю рать!

Безмолвіемъ тайны равнина объята.
Мнѣ чудится сила, встающая вновь...
Померкшее солнце у бездны заката
И брызжетъ на землю горячую кровь.

ПРОРОКИ И ТОЛПА

Затишье. Грозные раскаты
Умолкли въ сумеркахъ земли.
Пророки истины распяты,
Бойцы сраженные легли.

И день прошелъ. И вновь безпечно
Гудитъ холодная толпа,—
Какъ море, ропчущая вѣчно,
Какъ буря дикая, слѣпа.

Прости ее! Она губила
Несущихъ ей любовь и свѣтъ,—
Она, не вѣдая, творила
Позоръ и тьму кровавыхъ лѣтъ...

Зажгутся въ сумракѣ уныломъ
Великой правды огоньки,—
Толпа придетъ къ святымъ могиламъ,
Возложитъ поздніе вѣнки.

И вспомнитъ съ ужасомъ былое,
Слѣпые, горестные дни,
Когда она въ безумномъ воѣ
Кричала кесарю: „распни!“

НОЧЬЮ

Ночь была пустынна и уныла,
Городъ спалъ и бредилъ, какъ больной.
Въ эту ночь неправда побѣдила
И лгала коварной тишиной.

Былъ покой наставшій непонятенъ,
Тусклый взоръ слѣдилъ изъ-за угла.
Затаивъ слѣды кровавыхъ пятенъ,
Темнота убійство стерегла.

Городъ спалъ. А тамъ—дорогой млечной,
Кто-то шелъ за міровой предѣлъ
Разсказать съ печалью безконечной
Про позоръ земныхъ кровавыхъ дѣлъ.

Разсказать, что люди одиноки,
Что на пиръ безумныхъ городовъ
Вновь идутъ герои и пророки,
Для борьбы и терній и крестовъ.

НА УЛИЦѢ

Вставала заря надъ угрюмой столицей,
Какъ блѣдный румянецъ больного безсилья.
И чахлый туманъ безобразною птицей
Поднялся, раскинувъ безцвѣтныя крылья.

И шумно забѣгали хмурые люди...
Промчался неровный, докучливый грохотъ,
Какъ утренній кашель чахоточной груди,
Какъ сдержанной злобы надорванный хохотъ.

Уныло давили нѣмые граниты.
Невнятно роптали свинцовыя воды.
И полдень влачился, какъ странникъ разбитый,
Безъ мысли о счастьи, безъ жажды свободы.

И долго онъ шелъ безучастно и слѣпо...
Но вечеръ подкрался холодный, тягучій...
И мрачно глядѣло усталое небо,
И плакали ѣдко бездомныя тучи.

БРЕДЪ

Мнѣ страшно, мнѣ страшно! О, другъ мой, взгляни,—
Какъ бредитъ больная столица!
Багровыя ночи, кровавые дни,
Испуганно-блѣдныя лица...
Глухія могилы застывшихъ громадъ,
Гдѣ люди живыми зарыты...
И ропотъ голодный, и жадный развратъ,
И сумракъ тоски ядовитый...

Мнѣ страшно! Зачѣмъ, для чего я живу?
Ты видишь: въ туманномъ покровѣ
Кошмары безумья ползутъ на яву
Съ проклятьемъ и запахомъ крови!..
И скоро невѣдомой, тяжкой рукой
Раздавитъ меня безпощадно...
О, другъ мой! Отъ крови, отъ крови людской
Все красно, и скользко, и смрадно!..

Ты знаешь, — мнѣ снилось: отъ насъ далеко
Есть небо и солнце и люди...
Тамъ пѣсни поются, и дышатъ легко
Здоровыя, вольныя груди...
Ты знаешь, — мнѣ снилось: пылаетъ восходъ
Въ далекой свободной отчизнѣ,
И кто-то не стонетъ... И кто-то живетъ
Для счастья... И жизни...

ТЮРЬМА

Вечеръ ненастный, осеннiй,
Мракъ безконечно глубокъ.
Въ часъ безнадежныхъ сомнѣнiй
Я, какъ и ты, одинокъ.

Темный просторъ мой безмѣренъ,
Путь затерялся во тьмѣ...
Я въ этомъ мiрѣ затерянъ —
Въ душной огромной тюрьмѣ.

Кто-же пойметъ мои стоны?
Кто разгадаетъ мечты?
Другъ мой, тоской побѣжденный,
Слышишь-ли ты?

УЗНИКЪ

Съ отраженіемъ разсвѣта на мечтательномъ челѣ,
Полный жгучею тоскою по невѣдомой землѣ, —
Я печальный, блѣдный узникъ. Средь безмолвія и тьмы
Я слагаю пѣсни ночи и смущаю сонъ тюрьмы.

И когда ночные звуки сочетаются, поютъ, —
Незнакомыя фантомы въ странныхъ образахъ встаютъ,
Рѣютъ скорбныя видѣнья—тѣни мукъ и слезъ и ранъ,
И зовутъ онѣ и таютъ, облеченные въ туманъ...

И прозрачные миражи блѣдно-зыбкой красотой
Сочетаютъ откровенья съ недостигнутой мечтой,
Навѣваютъ отзвукъ тайны — недосказанный намекъ
О моемъ свободномъ мірѣ, что безбреженъ и далекъ.

КРЕСТЪ.

Изъ всѣхъ крестовъ мрачнѣй одинъ,
Одинъ большой, потемнѣвшій крестъ,
На голомъ холмѣ посреди равнинъ,
Посреди пустыхъ, безнадежныхъ мѣстъ.

Надъ нимъ всегда небеса молчатъ.
Его объятья простерты туда,
Гдѣ устало рдянъ равнинный закатъ,
Гдѣ зарею мгла холодна и сѣда.

Кто раскажетъ быль? Кто встревожитъ прахъ?
Кто вспомнитъ о нихъ—назоветъ имена?..
На землѣ печаль. Тишина въ небесахъ.
И поетъ о нихъ глубина-тишина.

Да приходитъ къ нимъ Вечерняя Мать,
Вечерняя Мать, вся—скорбь и любовь...
Приходитъ затѣмъ, чтобъ крестъ обнимать,
Омывать слезами забытую кровь.

И плачетъ Мать, шепча имена,
Вознося мольбу къ небесамъ пустымъ.
И поетъ, поетъ глубина-тишина
О темномъ крестѣ, о забытыхъ подъ нимъ.

СТАРЫЙ МЕЧЪ

Изъ-подъ земли, изрытой плугомъ,
Блеснулъ на солнцѣ старый мечъ.
Какъ нѣкогда въ годину сѣчъ,
Клинокъ заискрился надъ лугомъ.

О чемъ хотѣлъ повѣдать онъ?—
О битвѣ-ль буйной, красномъ днѣ ли,
Когда отъ крови опьянѣли
Сердца враждующихъ племенъ?

О черной казни воеводъ,
О шумномъ пирѣ атамана—
Гдѣ пряди волжскаго тумана
Таили вольницы походъ?

Или о томъ, какъ на помостѣ
Въ рукѣ холодной палача
Горѣло лезвіе меча
И глухо звякало о кости?

Хотѣлъ напомнить мечъ суровый
О томъ, что смерть одна сильна,
И воля жизни не властна
Разбить ея ночные ковы.

Но ѣдкой ржавчиной одѣтъ,
Изъ нѣдръ неволи черноземной
Увидѣлъ данникъ смерти темной,—
Что вѣчно—жизнь и вѣчно—свѣтъ...

Какъ въ старину, въ годину Леля,
Когда Иванъ сбиралъ Москву,—
Онъ видѣлъ солнце, синеву
И зелень тихаго Апрѣля.

Веселый день смыкался кругомъ,
Смѣялась дѣвственная ярь...
Земля цвѣла, цвѣла, какъ встарь,
И пахарь пѣлъ, бредя за плугомъ.

ТРИЗНА

Я тризну справлялъ по убитымъ
На темномъ распутьи дорогъ.
Я плакалъ на прахѣ, залитомъ
Багряною пѣной тревогъ.

Свѣтало. Надъ братской могилой
Вздымался тяжелый курганъ.
И шелъ я къ вершинѣ унылой,
Отъ крови безуменъ и пьянъ.

Мнѣ чудились клики родные...
Но было путстынно, мертво...
Лишь плакали вѣтры ночные,
Справляя со мной торжество.

И къ тремъ отдаленьямъ угрюмымъ
Бѣжали ночные пути....
И сердце встревоженнымъ думамъ
Кричало въ тоскѣ: отомсти!..

ЧЕРЕДЪ

Рабы, покорные минутамъ,
Забыли страшное вчера—
И вновь спѣшатъ къ обманнымъ путамъ,
И вновь сверкаетъ мишура.
Кричатъ шуты на шумномъ торгѣ,
Съ героевъ сорваны вѣнки,
И пляшетъ улица въ восторгѣ,
Въ чаду безумья и тоски.

Но есть провидящія очи
И тѣмъ очамъ познать дано,
Что путь къ предѣлу все короче,
И будетъ то, что быть должно...
И тѣмъ очамъ понятны знаки
Мгновенно рдѣющихъ зарницъ
И тѣни, ждущія во мракѣ,
И тишина возмездныхъ лицъ.

И въ чадномъ пиршествѣ, нежданно
Неотвратимый часъ пробьетъ
И скажетъ всѣмъ темно и странно
О томъ, что близится чередъ...
И снова окна и балконы
Наполнятъ люди, захмѣлѣвъ.
И будутъ гулы, гимны, звоны
И ликованіе и гнѣвъ!

МЕСТЬ

Сверкаетъ въ замкѣ праздникъ брачный,
Въ немъ пиръ вассаловъ и князей.
Но съ нами смерть и ужасъ мрачный
За гибель братьевъ и друзей.

Смѣлѣй, друзья полночной мести!
Идите здѣсь—въ тѣни оградъ.
Они въ чаду вина и лести,
У нихъ веселый маскарадъ.

Нѣмѣя въ праздности лѣнивой,
Уснула стража у дверей.
Ночная тишь дрожитъ пугливо...
Скорѣй, товарищи, скорѣй!

На дискъ луны, большой и странный,
Прозрачно сумракъ набѣжалъ...
Насъ не обманетъ часъ туманный,
И не измѣнитъ намъ кинжалъ.

Трепещутъ пѣнистыя урны...
Веселый звонъ стихаетъ вдругъ...
Шипя, струится сокъ пурпурный
Изъ помертвѣвшихъ блѣдныхъ рукъ.

Созрѣла месть! Свершилось дѣло.
Угасъ послѣдній свѣтъ надеждъ,
И тѣло женщинъ онѣмѣло
Въ безстыдствѣ сорванныхъ одеждъ.

Не встанетъ Ульрихъ, воронъ черный...
Среди рабовъ и блудныхъ женъ
Онъ, малодушный и притворный,
Былъ первымъ въ сердце пораженъ!..

ТАТЬ

Меня сожгли тоска и гнѣвъ.
На небѣ кровью заалѣвъ,
Потухъ закатъ. И сталь клинка
Тревожно жметъ моя рука.

Я темный тать. Я ночи жду.
И ночь придетъ, зажжетъ звѣзду.
Обнявъ меня отравой чаръ,
Она шепнетъ: „готовь ударъ!“

Въ глуши тѣней, вдали отъ встрѣчъ
Таиться буду и стеречь,
Замру подъ нишей, у дверей,
У заповѣдныхъ алтарей.

И мой безпечный врагъ придетъ
Туда, гдѣ смерть неслышно ждетъ,
Гдѣ, какъ друзья, обнялись мы,—
И смерть и тать—избранникъ тьмы.

О, проклятъ будь, любимецъ дня,
Кто отнялъ солнце у меня,
Кто возрастилъ мой духъ въ плѣну
И далъ мнѣ богомъ—Сатану.

У ногъ твоихъ я нѣмъ и слабъ...
Но знай: страшнѣй лукавый рабъ,
Кто подъ бичемъ умѣлъ донесть
Сокрытый гнѣвъ и злую месть.

Ищу тебя, слѣжу внизу,
Въ глуши тѣней какъ гадъ ползу,
И сталь упругую клинка
Тревожно жметъ моя рука.

ЗВОНАРЬ

Отдавши могиламъ сраженныхъ борьбою,
Навстрѣчу грядущему дню
Всхожу я на башню и къ новому бою
Уснувшихъ бужу. И звоню.

Мой голосъ дрожитъ закаленною сталью,
Звенитъ, заглушая набатъ,
И очи, горѣвшія тяжкой печалью, —
Отвагой и местью горятъ.

Какъ встарь, собираю на грозное вѣче
Моихъ возмущенныхъ бойцовъ,
И братьямъ, забывшимъ о вражеской встрѣчѣ,
Бросаю пылающій зовъ:

„Вставайте, кто живы, чьи зажили раны!
„Для скорби замкните сердца!
„Пусть мертвые спятъ. Имъ воздвигнемъ курганы.
„Но помните клятву бойца...

„Отмщать, ненавидѣть и биться, доколѣ
„Не ляжемъ костьми средь полей;
„За братьевъ убитыхъ, за муки неволи,
„За женъ и безвинныхъ дѣтей!“

Народъ поднимаетъ мечи, торжествуя,
Народъ ополчился, какъ встарь...
И съ башни высокой звоню и зову я,
Мятежный звонарь!

СЛАВА МОЛОДОСТИ

Молодость буйная! Сила мятежная!
Яркая сказка весенней мечты!
Вся ты — какъ море, какъ воля безбрежная...
Что лучезарнѣй твоей красоты?

Въ темной дорогѣ
Ты погибала съ печалью святою,
Вѣчно пылая мечтою
О богѣ.

Вольной и шумной,
Гордо поднявшей знамена къ лазури,
Въ яростномъ грохотѣ бури
Безумной, —

Смѣло ты строишь грядущаго храмъ.
Слава твоимъ
Битвамъ святымъ,
Ярко во мракѣ зажженнымъ кострамъ!

Герой, освященный борьбою,
Возставшій на рабство и ложь,
Ты властно толпу за собою
Къ сіяющимъ далямъ ведешь.

На уличныхъ темныхъ гранитахъ,
Гдѣ скорбныхъ ты къ солнцу звала,
Въ застѣнкахъ таинственно скрытыхъ,
Во власти жестокаго зла, —

Повсюду пролили злодѣи
Твою непорочную кровь...
Но ярче, прекраснѣй, смѣлѣе
На подвигъ воскреснешь ты вновь!

И въ чистомъ своемъ ореолѣ,
Вся — радость и вѣра и свѣтъ, —
Придешь ты на празднество воли,
На празднество гордыхъ побѣдъ.

И толпы ликующей черни
Тебѣ, утомленной отъ грозъ,
Вѣнцы искупительныхъ терній
Замѣнятъ вѣнцами изъ розъ.

Здравствуй-же, Молодость! Слава распятымъ!
Слава познавшимъ величіе мукъ!
Но горе и мщенье холоднымъ Пилатамъ,
Омывшимъ позоръ окровавленныхъ рукъ!

СУДНЫЙ ЧАСЪ

День склоняетъ ликъ смущенный.
Меркнетъ пламенный закатъ.
Надъ землею омраченной
Встали вихри и шумятъ.
Жутко смотритъ куполъ звѣздный
Въ міръ печали и стыда.
Близокъ, близокъ часъ возмездный,
Часъ великаго суда.

Пологъ близкихъ тучъ расколотъ.
Съ возмущенной высоты
Упадаетъ гулкій молотъ,
Брызжутъ красные цвѣты.
Перстъ багряный чертитъ знаки,
Повѣсть грознаго конца...
И, заблудшія во мракѣ,
Содрогаются сердца.

ИЗГНАНІЕ

Я угасалъ въ краю чужомъ
Во мглѣ нѣмыхъ снѣговъ.
За мертвымъ синимъ рубежомъ
Темнѣла цѣпь лѣсовъ.
Равнины ночи сторожилъ
Холодный взоръ луны.
И долго жилъ я и не жилъ.
И въ сердцѣ были сны...

И сердцу снилось о странѣ,
Гдѣ воля и весна.
Тамъ кто-то грезилъ обо мнѣ
Весь вечеръ у окна.
И кто-то тамъ, среди живыхъ,
Меня любилъ и звалъ...
Одинъ, въ равнинахъ снѣговыхъ
Я умиралъ.

ДѢТИ ЗАРИ

Мы блѣдныя дѣти зари.
Мы къ жизни возстали на сумрачной грани,
Межъ гордой побѣдой добра и познаній
И ночью минувшихъ страданій.
И ждемъ одиноко средь шумной пустыни,
На прахѣ развѣнчанной мертвой святыни.
Мы символы новыхъ надеждъ и желаній,
Мы блѣдныя дѣти зари.

Мы вѣстники близкаго дня.
Мы сны-полутѣни... Мы образъ туманный,
Тревожно-печальный, причудливо-странный
И скорбному міру желанный.
Сердцамъ утомленнымъ въ борьбѣ и смятеньи
Поемъ о великомъ земномъ возрожденьи,
Поемъ о полетѣ мечты свѣтотканной.
Мы вѣстники близкаго дня.

Мы блѣдныя дѣти зари...
Но мы не дождемся расцвѣта сіянья
И тихо, туманнаго утра созданья,
Умремъ въ упоеньи сознанья.
Мы синій миражъ предразсвѣтныхъ видѣній...
Намъ сладко, о солнце—пылающій геній,
Растаять въ лучахъ твоего ликованья!..
Мы блѣдныя дѣти зари.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГЪ

Каждый разсвѣтъ гармонично хорошъ,
Въ каждомъ есть правда и въ каждомъ есть ложь.
Время приводитъ на солнечный путь—
Счастье смѣется, чтобъ вновь обмануть.

Утро бросаетъ на землю цвѣты,
Въ пламени дня расцвѣтаютъ мечты,—
Черная ночь притаилась и ждетъ,
Чтобы сковать вдохновенный полетъ.

Кто-то замкнулъ заколдованный кругъ
Мрака и свѣта, блаженства и мукъ.
Вѣчно мы будемъ горѣть и страдать,
Вѣрить, взвиваться и вновь упадать.

Нужно любить въ этомъ кругѣ звено:
Жадной души не обманетъ оно...
Къ правдѣ идите мгновенью во слѣдъ,
Если въ ней радость и воля, и свѣтъ!

Правда лишь тамъ, гдѣ мечты хороши.
Счастье—въ лучистомъ восторгѣ души.
Бросьте презрѣньемъ невѣрной судьбѣ,
Вѣчное солнце зажгите въ себѣ!

ПРАЗДНИКЪ СОЛНЦА

Солнце! Твой восходъ побѣдный
Совершаетъ чудеса.
Меркнетъ свѣтъ невѣрно-блѣдный,
Въ ночь ласкавшій небеса.
Мощь безсмертнаго сіянья
Освѣщаетъ всѣ пути,
И восторгомъ ликованья
Начинаетъ жизнь цвѣсти...

О, рабы угрюмой ночи,
Чьей тоски тяжелый сонъ
Заслѣпилъ туманомъ очи,
Обесцвѣтилъ небосклонъ!
Научитесь безъ предѣла
Дерзко, пламенно желать.
Научитесь взоры смѣло
Къ солнцу, къ солнцу устремлять.

Человѣкъ на солнце взглянетъ
Безъ боязни, какъ орелъ,
И тогда для всѣхъ настанетъ
Искупленье темныхъ золъ.

И тогда для всѣхъ понятна
Будетъ воля божества,—
Всѣ загадочныя пятна,
Всѣ святыя волшебства...

Это будетъ въ день пѣвучій.
Міръ проснется безъ оковъ.
Гордо встанетъ родъ могучій
На развалинахъ гробовъ.
Это будетъ на вершинѣ,
Гдѣ безгрѣшно-хороша
Прянетъ къ огненной святынѣ
Возрожденная душа.

ДОРОГИ

Въ нѣмыхъ поляхъ скитаются туманы,
Блуждаетъ вѣтеръ пьяный.
Холодный врагъ небесъ осиротѣлыхъ—
Блуждаетъ вѣтеръ пьяный.
И тучи рветъ и гонитъ въ изступленьи
По сумеркамъ просторовъ онѣмѣлыхъ,
Какъ воиновъ, разсѣянныхъ въ сраженьи.
Въ нѣмыхъ поляхъ—затеряны, убоги—
Змѣятся темныя дороги!..

Длинныя, скучныя,
Въ дали беззвучныя,
Въ мглу извиваются
Эти дороги...
Ихъ истоптали усталыя ноги.
Ветлы надъ ними качаются.
Ветлы бѣгутъ, одинокія...
Вдругъ соберутся, стоятъ...
Вновь обрываютъ испуганный рядъ
И, качаясь, грустятъ, одинокія...

Кто они—тѣ, что, затеплясь молитвой,
Пѣсней звеня, омрачаясь проклятьемъ,—
Шли за побѣдой и солнечной битвой,
Шли за любовнымъ и хмѣльнымъ объятьемъ?
Кто они—тѣ, что въ пути утомясь
Чернымъ безумьемъ и алымъ страданьемъ,
Грезы втоптали въ холодную грязь,
Падали съ горькимъ рыданьемъ
Въ эту дорожную, липкую грязь?..

О, роковыя дороги
Бѣдной страны, что Отчизной зову я!
Ждете, тоскуя,
Новыхъ тѣней!
Скорбны и строги,
Вы по полямъ почернѣвшимъ и голымъ
Вьетесь къ обиженнымъ селамъ...
И прикасаетесь къ плитамъ церквей—
Тѣхъ, что печально изъ дальнихъ сторонъ
Смотрятъ во слѣдъ утомленнымъ прохожимъ,
Въ сумракъ роняя задумчивый звонъ
Съ благословеніемъ божьимъ.

Дороги, дороги
Бѣдной страны, что зову я Родимой!
Вы извиваетесь мимо
Жалкихъ селеній.

Къ нимъ заползая, цѣлуя пороги,
Вы обольщаете слабыхъ и сильныхъ
Вымысломъ яркихъ видѣній;
И увлекаете къ дальнимъ волнамъ,
Въ шумъ городовъ изступленныхъ и пыльныхъ,
Сами не вѣря надеждѣ и снамъ.
Облекая согбенныя плечи,
Кинувъ свои очаги,
Тѣни бредутъ, и звучатъ ихъ шаги...
Тѣни уходятъ далече, далече...
Тѣни бредутъ, обольщенныя вѣрой...
Въ мглѣ безнадежности сѣрой
Ихъ поглощаютъ поля и туманы.
Падаютъ, никнутъ на голыхъ откосахъ...
Снятся тѣнямъ безпечальныя страны...
Снова стучитъ обезсиленный посохъ.
Вѣтеръ отъ скорби безумный и пьяный
Машетъ крылами больными,
Стонетъ о горѣ убогомъ.
Чахлыя ветлы рыдаютъ надъ ними,
Въ даль уходя по изрытымъ дорогамъ.

И вьются, и вьются въ безвѣстность пустую
Дороги твои, о страдалица-мать—
Отчизна моя! Я хочу обнимать,
Цѣловать эту землю сырую...

Тебя я люблю и тоскую,
Иду по суровымъ дорогамъ
Въ жаждѣ безмѣрной великихъ страданій.
Брежу тѣнями погибшихъ исканій,
Въ даль увлеченный невѣдомымъ богомъ...
Ветлы оплакивать мертвыхъ устали.
Вѣтеръ истерзанный молкнетъ въ печали.
Дороги змѣятся въ поляхъ, межъ лѣсами,
По склонамъ, оврагамъ,—не вѣдая сами—
Откуда, куда?..
Къ солнцу, быть можетъ, къ возможностямъ синимъ...
Или изъ тьмы—въ безысходность, къ пустынямъ,
Въ мертвую ночь, навсегда...

Въ нѣмыхъ поляхъ скитаются туманы,
Блуждаетъ вѣтеръ пьяный.
Безумный врагъ небесъ осиротѣлыхъ—
Блуждаетъ вѣтеръ пьяный.
И въ сумерки просторовъ онѣмѣлыхъ
Приходитъ призракъ темный.
Огромный, онъ стоитъ среди полей,
И плачъ его бездомный
Звучитъ. И нѣтъ огней
Среди полей.
И въ темнотѣ, затеряны, убоги,
Змѣясь, ползутъ пустынныя дороги...

ВСАДНИКЪ ЗЛА

Къ картинѣ Ф. Штука.

Кровавый ураганъ затихъ надъ мертвой нивой.
Холодная, какъ сталь, надъ ней синѣетъ мгла.
И воронъ чертитъ кругъ зловѣще-прихотливый,
И страшенъ взмахъ его тяжелаго крыла.

Безмолвіе и смерть. Толпою молчаливой,
Сплетенныя борьбой, разбросаны тѣла...
И вотъ встаетъ изъ мглы великій Всадникъ Зла
На призрачномъ конѣ, въ осанкѣ горделивой.

Свинцовый, тяжкій взоръ вперяетъ въ землю онъ.
Ступаетъ черный конь по трупамъ искаженнымъ,
И слышенъ въ тишинѣ послѣдней муки стонъ...

И всадникъ смотритъ въ даль: потокомъ озлобленнымъ
Ползутъ его рабы, гудитъ желѣзный звонъ...
Хохочетъ великанъ надъ міромъ изступленнымъ.

БЕЗСМЕРТІЕ

Кто изъ насъ станетъ богомъ?
Альфредъ Мюссе.

О, если ты пророкъ,—твой часъ насталъ. Пора!
Зажги во тьмѣ сердецъ пылающее слово.
Ты долженъ умереть на пламени костра
Среди безумія и ужаса земного...

Не бойся умереть. Безсмертенъ лучъ добра.
Ты въ сумракѣ вѣковъ стократно вспыхнешь снова.
Для пѣсни нѣтъ преградъ,—она, какъ мечъ, остра;
И нѣтъ оковъ словамъ, карающимъ сурово...

И тусклые года томленій и тревогъ,
Какъ факелъ, озаритъ, страдалецъ и пророкъ,
Негаснущій костеръ твоей красивой смерти.

Изъ пламени его голодныхъ языковъ
Не смолкнетъ никогда мятежно яркій зовъ:
„Да будетъ истина! Да будетъ правда!—Вѣрьте!"

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ

Бездомный вѣтеръ шумитъ уныло.
И ласка солнца давно остыла.
И сердце плачетъ... Не оттого ли,
Что хочетъ счастья, тепла и воли?..

Подъ свѣтлымъ небомъ оно не знало-бъ
Усталыхъ пѣсенъ, тоскливыхъ жалобъ, —
Но осень стужу и смерть разноситъ,
И день потухшій о жизни проситъ...

Приходитъ утро. Молюсь надеждѣ...
Заря родная! Блесни, какъ прежде,
Когда рождалась ты надъ поляной
Такой веселой, такой багряной!..

Но все печальнѣй и все короче—
Ты покидаешь темницу ночи,
Чтобъ тихо грезить съ улыбкой блѣдной
Надъ этой ширью больной и бѣдной.

ДВА БРАТА

(ПѢСНЯ).

Въ деревню вернулись два брата,
Пришли на побывку домой,—
Одинъ въ одѣяньи солдата,
Другой съ костылемъ да сумой.

У снѣжныхъ околицъ стояли,
Глядѣли на выгонъ пустой.
И каждый подумалъ: „не я-ли
Здѣсь бѣгалъ, рѣзвился весной...“

Крестились. Да слезы смахнули.
Спѣшатъ на родимыхъ взглянуть.
А избы въ снѣгу потонули,
Синѣетъ вечерняя муть.

Ой, гдѣ-же ты, милая хата?
На мѣстѣ знакомомъ, пустомъ
Сошлись и обнялись два брата,
Заплакали горько потомъ.

„Гдѣ долю ты мыкалъ, калѣка?“
— Трудился средь ночи и дня.
Стоялъ за права человѣка...
Неправда сломила меня...

— А ты?—„Да разсказъ невеселый...
Служилъ, за отчизну страдалъ.
А какъ изводили крамолу—
Покой навсегда потерялъ...“

— „Прости-же отецъ и родная,
Прости сыновей да судьбу...“
И смолкли они, вспоминая
О томъ, что родные въ гробу.

Снѣга въ темноту погружались.
Шли братья отъ родины прочь.
О чемъ говорили-поклялись—
Не скажетъ холодная ночь.

ПѢСНЯ

Я грущу о несбывшихся грезахъ
Молодой лучезарной тоски,
О безвременно сорванныхъ розахъ,
Не открывшихъ свои лепестки.
Въ нихъ цвѣло неизвѣданно много
Обольщеній и яркихъ минутъ...
— Кто цвѣты растопталъ у порога?
Кто разрушилъ волшебный пріютъ?

Я грущу о погубленныхъ силахъ,
Что на праздникъ любви не придутъ;
О курганахъ печальныхъ и милыхъ,
Гдѣ весной незабудки цвѣтутъ.
О поднявшихъ мятежное знамя,
Озарившихъ мечтой темноту...
— Кто задулъ вдохновенное пламя?
Кто разбилъ молодую мечту?

НА МОГИЛѢ СЕСТРЫ

Мой голубой, подкошенный цвѣтокъ!
Опять сюда, незнающій отрады,
Я прихожу, чтобъ положить вѣнокъ
На холмикъ твой, у низенькой ограды.
Я сплелъ его изъ полевыхъ цвѣтовъ —
Твоихъ цвѣтовъ, любимыхъ дѣтскимъ сердцемъ —
Изъ лютиковъ, ромашекъ, васильковъ...
И, положивъ, прильнулъ къ желѣзнымъ дверцамъ...
Здѣсь полумракъ и золотой закатъ —
Онъ волны льетъ сквозь старыя деревья;
И облака на синевѣ грустятъ,
Уставшія отъ долгаго кочевья.
Здѣсь въ тишинѣ безвременныхъ могилъ
Стихаютъ боль и крикъ негодованья.
Сонъ вѣчности безуміе смирилъ
И увѣнчалъ безмолвіемъ страданья.
Мнѣ хочется грустить и вспоминать...
И въ смерти все становится такъ свято, —
Какъ облака, которыхъ не догнать,
Какъ багрянецъ усталаго заката.

И помню я сраженныхъ въ темный часъ.
Я вижу ихъ, и нѣтъ межъ нами грани...
И кажется, что смерти нѣтъ для насъ
Въ безмѣрности и святости страданій.

О, тѣни душъ, погибшихъ за мечту!
Горѣли вы, какъ молніи среди ночи...
И яркій свѣтъ, разбившій темноту,
Лучистый сонъ — былъ долог ъ иль короче —
Не все ль равно? — онъ стоитъ многихъ лѣтъ
Безплодныхъ мукъ, тревогъ безцѣльно-шумныхъ.
Сегодня вы свершили свой завѣтъ,
А завтра мы. Таковъ удѣлъ безумныхъ.

Но жаль цвѣтовъ, кому среди полей
Смѣялись дни и радость обѣщали,
Чей нѣжный сонъ безбурнѣй и свѣтлѣй
Весеннихъ слезъ и утренней печали...
А ты, сестра, — цвѣтокъ мой голубой,
Мой василекъ подрѣзанный косою —
Ты сорвана безвременно судьбой,
Ты скошена подъ утренней росою.
И я одинъ. Я въ тихій часъ тоски
Пришелъ сюда и буду до разсвѣта
Плести тебѣ наивные вѣнки
Изъ твоего любимаго букета.
Изъ лютиковъ, ромашекъ, васильковъ...
Они цвѣли для жизни и любили
Весенній день, зеленый смѣхъ луговъ —
Чтобъ у сестры засохнуть на могилѣ.

ИКАРОВА ПѢСНЯ

Да, я гордый Икаръ. Я на землю глядѣлъ
Съ вышины недоступнаго края.
Я хотѣлъ испытать безпримѣрный удѣлъ,
Неземною тоскою сгорая;
И взлетѣлъ въ небеса, чтобъ найти красоту...
Но поникли уставшія крылья —
И упалъ я съ лазурныхъ высотъ въ темноту,
На равнины тоски и безсилья.

И упавши на гребни прибрежныхъ камней,
Я лежу неподвижный, разбитый.
Чайки стонутъ, кружась надъ могилой моей,
Волны съ плачемъ бѣгутъ на граниты;
И блуждающій вѣтеръ уныло поетъ,
Мнѣ цѣлуя сомкнутыя вѣки:
„Кто свершилъ къ небесамъ дерзновенный полетъ —
Кто упалъ — тотъ разбился навѣки..."

Мнѣ не жить среди васъ въ прозябаньи и мглѣ.
Я познаіъ глубину откровенья.
Я, какъ чайка, умру, отдавая землѣ
Окрыляющій ужасъ паденья.
О, дерзать и пылать на кострѣ голубомъ,
Заглянуть Безпредѣльному въ очи!
Что мнѣ блѣдная смерть на прибрежьи морскомъ,
Что глумленье невидящей ночи!

ВЕСНОЙ НА РОДИНѢ

Ручьевъ зеркальные разливы.
Въ нихъ облаковъ жемчужныхъ цѣпь.
И снова пажити и нивы.
А дальше — лѣсъ. А дальше — степь.

Въ тѣни, въ низинахъ косогора,
Гдѣ обезсиленъ вешній зной,
Неталый снѣгъ лежитъ у бора,
Смущая странной бѣлизной.

Иду по высохшей дорогѣ,
Вдыхаю запахи земли
И слышу въ радостной тревогѣ
Какъ съ крикомъ рѣютъ журавли.

Усталъ. И сѣлъ къ случайнымъ ветламъ,
Одѣтымъ въ изумрудный пухъ.
И вспыхнулъ вдругъ мечтой о свѣтломъ
Мой безпокойный скорбный духъ...

Земля моя! Забудь видѣнья
Безумной жизни и могилъ!
Въ тоскѣ святого пробужденья
Я понялъ все и все простилъ.

Я знаю: пламеннымъ порывомъ
Свой праздникъ завершитъ борьба,
И по твоимъ заглохшимъ нивамъ
Согнутся тучные хлѣба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Февраль 1939

Цѣна 80 коп.

